

М. М. КАЗАНСКИЙ  
**МОГИЛЫ АЛАНО-САРМАТСКИХ ВОЖДЕЙ IV в. В  
ПОНТИЙСКИХ СТЕПЯХ.\***

В понтийских степях сравнительно недавно были идентифицированы алано-сарматские древности III в. и более полно исследованы памятники гуннской эпохи. А. К. Амброз аргументированно писал о существовании на Боспоре и Северном Кавказе позднесарматского полихромного стиля, отличного от гуннского (1, с. 22-29). Однако до сегодняшнего дня еще слабо изучены погребения IV в., оставленные кочевниками до нашествия гуннов. Некоторые открытые в названном регионе захоронения IV в. я и попытаюсь проанализировать в данной работе. Поскольку варварская знать была более, чем рядовое население, восприимчива к внешним влияниям, то богатые могилы можно точнее датировать по аналогиям из других регионов. Из-за отрывочности свидетельств письменных источников предлагаемая в статье этническая атрибуция рассматриваемых памятников довольно условна. По примеру других исследователей, я использую основные, упоминавшиеся в текстах этнонимы: аланы и сарматы. Возможно, на этой территории присутствовали и другие кочевые племена.

Наиболее богатые захоронения, например, Кишпек (2), Воронежская (3), Чауш (4, с. 157-161; 5, с. 58), Азов-Аэродром 1 (6) могли быть оставлены вождями племен и родовой верхушкой, тогда как менее богатые погребения, но содержавшие престижное оружие и снаряжение (длинные мечи), принадлежали воинам высокого ранга или членам их семей - Центральный IV (7; рис. 2, 1-3; 3, 1, 2), Нецерегово (8, с. 135, 136; 9, табл. 39, 6-9), Веселая Роща II (10), Градешты (11) и Виноградовка (12, с. 91, 134).

В Подонье на некрополе Центральный IV в катакомбе 14 (рис. 1, 1-5) сохранились керамика, меч-спата, две пряжки от ремней портупеи, круглая пряжка с длинным профилированным язычком, почковидная пряжка с щитком, инкрустированным гранатами и белой стеклянной пастой (7, рис. 2, 1-3; 3, 1, 2) типа Келлер А (13, с. 45, 46, рис. 18, 1). Ее с полным основанием авторы публикации датировали IV в. В исследованной в устье Дона в городе Азове на могильнике "Аэродром 1" в кургане 2 катакомбе, в тайнике, рядом со скелетом обнаружены: меч, бронзовый котел и набор украшений сбруйных ремней (рис. 2). Металлические сбруйные бляшки и наконечники, декорированные сердоликом, аналогичны происходящим из северокавказского захоронения IV в. из Кишпека (2). Там же в бассейне Дона, но северо-западнее, в украинских степях Северского Донца, в Нецерегово, найдено погребение с серебряной пряжкой с почковидным щитком с гранатовой вставкой, со второй серебряной пряжкой, мечом с деревянными ножами и керамикой (рис. 1, 6-9) (8, с. 135, 136; 9, табл. 39, 6-9).

В Прикубанье и на Северном Кавказе на курганном могильнике Веселая Роща II в катакомбе № 8 найдены большая серебряная пряжка с почковидным щитком, украшенным сардониксом, серебряная пряжка с гладким щитком, подвязная фибула типа Амброз 15-III-1 (14, с. 52, 53), стеклянный жетон, металличе-

---

\* Русский текст доклада прочитанного в мае 1992г. на коллоквиуме "Римская знать и вожди варваров в III-IV вв." и Сен-Жермене во Франции.

ский наконечник нагайки, нож и глиняный сосуд (рис. 3, 1-9 (10)). В разрушенной могиле в станице Воронежской обнаружены топор, золотые витая гривна и ожерелье, бронзовые котел и зеркало с петлей для подвешивания, темноглиняные сосуды и амфора типа Инкерман (рис. 3, 10-16) (3). По амфоре погребение отнесено к IV в. (15, с. 14, рис. 2, 6). Одновременное захоронение вождя раскопано в Кишпеке в кургане 13 (рис. 4-7). В деревянном погребальном сооружении лежали спата “меотского” типа IV-VII вв. с двумя вырезами на клинке близ рукояти (16), шлем из пластин, инкрустированных сердоликом, кольчуга, нож, копье, бронзовый котел и другие сосуды (среди которых котелок типа Хеммор позднего варианта), сбруйные бляхи и наконечники, декорированные фасетками и инкрустацией из сердолика и синего стекла, подобные крымским (17), конские удила, фрагменты седла, подвязная фибула типа Амброс 15-III-1 (14, с. 52, 53), пряжка с почковидным щитком типа Келлер А (13, рис. 18, 1), пряжки и накладки на ремни, треножник, зеркало с петлей и другие вещи (2, с. 13-19, рис. 2-8).

В западно-понтийских степях в Градештах в подбойной могиле под курганной насыпью (рис. 8-9) находились детали сбруйных и поясных наборов, пряжка с почковидным щитком типа Келлер А, подвязной фибулой типа Амброс 15-III-1, керамика и, возможно, копье (11). Без сомнения в ту же группу следует включить погребение из Чауша (рис. 1, 10-(4)), из которого происходят полихромный сбруйный набор, стеклянный стакан, серебряная ложка, поясной набор и пряжки с почковидным и прямоугольным щитком IV в., золотые полихромные предметы, керамические сосуды и амфора. Но до полной публикации трудно судить о составе погребального комплекса (4, с. 160; 5, с. 58). Следует упомянуть неизданный комплекс из Виноградовки, состоящий из трех мечей, керамики, серебряных пряжек и амфоры инкерманского типа (12, с. 791, № 134) IV в. (15, с. 14, рис. 2, 6).

Инвентарь, подобный описанному выше и принадлежащий к тому же хронологическому горизонту, был обнаружен в других районах: в степях Центральной Азии, на Урале, в Западной Сибири и на территории Боспорского царства. Эти находки свидетельствуют о связях, которые имелись между племенами понтийских степей и их соседями. Изучение названных вещей позволит уточнить хронологию алано-сарматских захоронений.

В Центральной Азии привлекает особое внимание погребение воина в Кызыл-Кайнар-Тобе, в Южном Казахстане (рис. 10). Оно содержало нож, лук и стрелы, пояс с пряжкой с почковидной бляхой и накладки в виде “пропеллеров”, витое металлическое ожерелье и серьгу (18, с. 79-92), близкие найденным на памятниках IV-V вв. в Киргизии (19). В Киргизии почковидные пряжки известны на некрополе Акчий-Карасу (20).

Среди находок на Урале упомянем находки из могильников Броды (пряжку с почковидным щитком с полихромным декором) (21, с. 163, 164), Брюхановский (накладки полихромного стиля, навершие меча с декором “клуазоне” из синего стекла и пряжку с почковидным щитком с одним сердоликом) (22, №№ 35-38) и Муслимово (спата с рукоятью и золотыми ножнами, две пряжки с почковидным щитком, одна из которых с декором “клуазоне” из гранатов и зеленой пасты, уздечку с почковидными бляшками, фибулу с подвязанной ножкой типа Амброс 16-III-1 (14, с. 68), металлические наконечники с декором “клуазоне” из гранатов и зеленой стеклянной пасты, а также золотую гривну) (9, табл. 59, 1-22; 23, табл. 18, 19).

В Западной Сибири в этом же хронологическом горизонту можно отнести “княжескую” могилу в Тугозвонovo (24), из которой происходит гривна, а также

палаш с полусферическим навершием, украшенным синей и черной стеклянной пастой, с ножнами и золотой рукоятью того же типа, что и в Муслимово, с зеленой и красной стеклянной пастой, кинжал с полихромным декором из сердолика, гранатов и стеклянной пасты, элементы упряжи, золотое витое ожерелье, серьга с сердоликом, похожая на серьгу из Кызыл-Кайнар-Тобе, кольцо с гранатами, поясной набор с полихромным декором с синей, белой и зеленой стеклянной пастой (1, рис. 4, 11; 24, рис. 19; 24), пряжки с почковидным щитком полихромного стиля, украшенным гранатами. Форма пряжек из Тугозвонова и Урала более архаична, чем форма пряжек гуннского периода (24, с. 158). Действительно, они снабжены более коротким язычком, менее загнутым, чем на пряжках гуннского периода. Зато заметно их сходство с пряжками из Центрального-IV и Кишпека (1, с. 24; 2, с. 24; 7, с. 178).

На территории Боспорского царства (в Восточном Крыму и на полуострове Тамань) описанным выше могилам близки два захоронения. Речь прежде всего идет о погребении, раскопанном в 1841 г. в Аджимушкае, около Керчи, и часть инвентаря которого была опубликована В. В. Шкорпилом. Там находились детали сбруйного убора с фасеточным декором, а также пряжка типа Келлер А. По мнению В. В. Шкорпила, это та же самая "княжеская" могила, которая была опубликована А. Ашиком, С. Рейнаком и М. И. Ростовцевым и где были обнаружены диадема, элементы упряжки полихромного стиля, украшенные сердоликами, оружие (в частности, кинжал с декором "клуазоне") и оттиски боспорских монет 212-229 (25, с. 33, 34, рис. 13-15; 26, с. 28, табл. 39; 27, с. 43; 28, рис. 14). Но эта атрибуция кажется нам недостоверной. В публикации В. В. Шкорпила изображены конские удила и элемент упряжи из четырех закрепок уздечки, отличные от найденных в упомянутой "княжеской" могиле. Обычно эти предметы находились в погребениях Боспора и понтийских степей в единственном экземпляре (исключая случайные коллективные захоронения, которые не являются закрытыми комплексами). Их присутствие в двух экземплярах в могиле 1841 г. кажется мне подозрительным. Керченская могила 1918 г. (называемая по имени владельца усадьбы Мессаксуди) сравнима с погребением 1841 г. Речь идет о вещах, поступивших в Музей Национальных Древностей в Сен-Жермен-ан-Ле: деталях сбруйного набора, лучковой фибуле, мече, нескольких пряжках типа Келлер А и впервые опубликованной в 1988 г. пряжке гуннского периода (29, с. 69). Если все перечисленные вещи действительно происходят из одного захоронения, то пряжка гуннского периода дает основание отнести могилу с усадьбы Мессаксуди к концу изучаемого периода (29).

Попытаемся обосновать более детальную датировку предметов, которые позволяют этот хронологический горизонт ограничить тремя четвертями IV в. Пряжки с овальным или почковидным щитком типа Келлер А-В-С из Веселой Рощи II, Градешт, Центрального IV, Неццерово, Чауши и Кишпека являются основным признаком. Восточноевропейские сарматские пряжки А. К. Амброз датировал III-IV вв. (1, с. 23), а Е. Л. Гороховский второй половиной III в. (30, с. 56-59). Однако данный тип пряжек хорошо изучен на Западе. Они широко распространены в римских некрополях, где часто встречаются в закрытых комплексах с крестообразными фибулами и монетами IV в. Пряжки типа Келлер А-В-С были найдены с крестообразными фибулами типов Келлер 3 (4), Келлер 3 и 5 (13, с. 45-51, рис. 19), датированными соответственно между 330-400 и 350-420 гг. по последним уточнениям, внесенным М. Преттелем (31, с. 366-368). Е. Келлер отнес пряжки с овальным и почковидным щитком ко второй половине IV в. (13, с. 58, 59). М.

Зоммер, посвятивший целый труд поясам, предлагает более широкую датировку. Он включил пряжки типов Келлер А-В-С в свою первую группу римских поясов. Он отмечает, что в дунайском и балканском районах (например, в Река Девня или Рушовице, погребение i 32) элементы наиболее древних поясных наборов, в частности, пряжки с овальным щитком, иногда находят с крестообразными фибулами типа Келлер 1 и 2 (290-320 и 310-350 гг. н. э. по Е. Келлеру или 265/280-320 и 300-365 по М. Преттелю). С другой стороны, М. Зоммер замечает, что абсолютные датировки, представленные многочисленными монетными находками в закрытых комплексах вместе с поясами 1-й группы, как в Галлии и Рейнской области, так и в дунайском и балканском районах, всегда указывают на IV в. О том же свидетельствуют иконографические изображения этих поясов, например, на арке Константина в Риме (314 г. н. э.). Поэтому исследователь ограничил бытование поясных наборов первой группы и, следовательно, пряжек с овальным и почковидным щитком всем IV в., начиная, приблизительно, с 290 г. для дунайского региона и с 310 г. в Галлии и Рейнской области (32, с. 74, 75). Появление на Дунае и на Балканах названных пряжек в последнем десятилетии III в. кажется мне, однако, маловероятным, если ссылаться на многочисленные абсолютные датировки (см. выше). К тому же, как и отмечает сам М. Зоммер, некоторые могилы с поясными наборами 1-ой группы и фибулами типа Келлер 1-2 содержали монеты IV в. Упомяну, например, захоронение в Шамодор-Пушта 39 с монетой 321 г. или могилу 32 в Рушовице с монетами 306-337 гг. Они относятся к первой половине IV в. Весьма вероятно, пояса первой группы вошли в моду на всей территории империи почти одновременно на протяжении первых двух десятилетий IV в. Следует подчеркнуть, что большинство пряжек с почковидным и овальным щитком поздне-римского периода было найдено на территории империи и что речь идет о типично римской форме (12, с. 77), особенно популярной, по мнению М. Зоммера, в Галлии, Паннонии и в Северной Италии (32, с. 19, 59, 60, 122). Эти пряжки распространились у варваров в качестве импорта или римской имитации, и их дата на территории империи может быть, таким образом, применима вне ее. В Северной Европе, где был найден один экземпляр в могиле А в Варпелеве, однотипные пряжки относятся к периоду С-3 скандинавской хронологии, то есть ко второй и третьей четвертям IV в. (33, с. 178, 179, 185, 195). Недавние уточнения, сделанные У. Лунд Хансен, позволяют датировать инвентарь могилы А в Варпелеве периодом С-2 (250/260-310/320 гг.) (34, с. 102), что не противоречит принадлежности захоронения в Варпелеве к началу IV в. и пряжка может быть наиболее поздним предметом данного комплекса. Вне Империи найдены две пряжки, близкие к типу Келлер А-В-С, в могиле № 3 в Герласхейм, на юго-западе Германии, которая содержала также фибулы с прямоугольной головкой, датированные, с одной стороны, К. Годловским периодом С-3 (1-ая половина и середина IV в.) по находкам в Притциер и в Мерзбург-"Юг" (35, с. 75, рис. 17, 3) и, с другой стороны, М. Шульце (группа Шульце 242) началом IV в. (36; с. 128, 129). В тот же комплекс входят и арбалетные фибулы (тип Келлер-8) и ваза (тип Келлер-17в), отнесенные Е. Келлером к периоду С-3 и которые прежде были неизвестны в этом районе (37, с. 259, 263). На территории Черняховской культуры пряжки типов Келлер А-В-С появились на протяжении первой половины IV в. (38, с. 13, 14, 25; № 9, 44). Находки в Восточной Европе были отнесены к изучаемому типу (32, с. 20). Таким образом, дата появления пряжек с овальным и почковидным щитком, недавно предложенная О. В. Шаровым - около 300 г. н. э. - кажется мне обоснованной (39, с. 175, 176).

- Пояс с накладками в виде “пропеллеров” из Кызыл-Кайнар-Тобе дает другой хронологический ориентир. Речь идет о воинском поясе типа, характерного для позднеримской армии, который все исследователи датируют IV в. по многочисленным находкам в могилах с монетами и экземпляру, изображенному на арке Константина - 314 г. н. э. (13, с. 67; 32, группа 1; 40, с. 38-41). Светлоглиняные амфоры инкерманского типа также подтверждают совершение изучаемых погребений в IV в. Хронология этих амфор хорошо обоснована в комплексах IV в. черняховской культуры и в Крыму (15, с. 14; 38, с. 21, i 37).

Изучение могил степных кочевников IV в. показывает, что их материальная культура мало изменилась по сравнению с III в. Исследователи поэтому причисляли эти находки ко второй половине III в. Среди предметов из могил III в., которые бытовали и в последующий период, назовем детали поясов и узды с фасеточным декором, металлические зеркала с центральной петлей, геометрические пластинки-накладки, украшения и аксессуары одежды и уздечные наборы с декором полихромного стиля, металлические наконечники ремней с валиком на нижнем крае, почковидные уздечные бляшки, маленькие пряжки с овальным или прямоугольным щитком, спаты, часто с полусферическим навершием, лучковые фибулы (1; 30; 41; 42).

Особое внимание обратим на вещи, которые вплоть до сегодняшнего времени считали характерными только для III в. (1, с. 23-29; 30; 42, с. 48-69). Например, предметы с декором полихромного стиля, называемого “догуннским”, который, на самом деле, является имитацией украшений позднеримской знати (1, с. 26). На названных изделиях преобладают светло-зеленый и синий цвета, сердолик на фоне металла и тисненый декор. Эта орнаментация отличается от полихромного стиля гуннского периода, где доминировали красные и зеленые цвета.

Что касается догуннского полихромного декора, то непрерывность материальной культуры в понтийском регионе между III и IV вв. ясно проявилась в материалах Боспора. Действительно, элементы упряжи с догуннским полихромным декором из могилы с пряжкой IV в. типа Келлер А, раскопанной в 1841 г. в Аджимушкае, идентичны по декору вещам знаменитого погребения аристократа с золотой маской, найденной в Керчи 1837 г. (25, рис. 13, 27, рис. 29, 4; 28; рис. 13). Последняя также содержала ведро типа Хеммор (определение М. Б. Щукина), второй половины или конца III в. Инвентарь из описанных захоронений позволяет говорить, что полихромный стиль, типичный для Боспора в III в., продолжал существовать и в IV в.

Благодаря анализу серии римских шлемов с декором “догуннского” полихромного стиля (43) можно уточнить его датировку. Шлемы из Беркасово 1 (Югославия) и из Будапешта (Венгрия) обладают декором из камней, похожим на декор шлема из Кишпека (43, рис. 1-5, 12-16). На шлемах из Нидерландов и на шлеме из Концешти (Румыния) обнаружен чеканный декор в виде крестиков (43, рис. 19-21, 32-37), обычный для предметов “догуннского” полихромного стиля, в частности из Кишпека (1, с. 25-26; 2, рис. 8, 4). Декор в виде “веревки”, из выпуклостей и полукружков, известный на степных находках, присутствует и на римских шлемах IV в. (43, рис. 1-5, 12-16, 19-21, 32-37). Некоторые из этих шлемов уверенно датированы первой половиной IV в., в частности, шлемы из Диерна (Нидерланды) датированы по монетам 315-319 гг., и шлемы из Беркасово 2 - по надписи, выгравированной на шлеме, в которой упомянут Лициний (308-325 гг.) (43, с. 10, 28, 36, 37, 70-72). Другие шлемы с “догуннским” полихромным орнаментом отнесены к IV в. благодаря их схожести со шлемами, изображенными на

монетах Константина Великого. Шлем из Будапешта сделан с маленькой пряжкой типа Келлер А IV в. (43, рис. 18, 2). В гуннское время изготовлен и однотипный шлем из Концешт.

По мнению ряда исследователей, фасеточный декор, обнаруженный на предметах из алано-сарматских могил, употреблялся исключительно в III в. В действительности же он также хорошо представлен на металлических предметах IV в., например, на военных поясах из Северной Галлии (44, рис. 76, 6, 79, 26-28, 83, 2; 84, 15-22; 87, 8; 90, 6 и т. д.), из уже упоминавшейся могилы из Герলেখсхайма и некоторых украшениях черняховской культуры (45, с. 49-52). Лучковые фибулы носили не только в III в., но и в IV в. (29, с. 65). В Абхазии они встречены в могилах IV в. (46, рис. 1, 5, 17, 2, 37, 40).

В результате анализа инвентаря, рассматриваемые северопричерноморские могилы кочевников можно распределить по хронологическим группам.

В наиболее раннюю группу по пряжкам и поясным наборам без сомнения следует включить комплексы из Кызыл-Кайнар-Тобе, Аджимушкая (1841 г.), Кишпека и, возможно, из Веселой Рощи II. Захоронение 1918 г. из Керчи (с усадьбы Мессаксуди) по пряжке гуннского периода, если все хранящиеся в музее в Сен-Жермене вещи происходят из одной могилы, совершено в последней трети IV в. (29). Могилы из Муслиумово, Центральное-IV, Тугозвоново также можно отнести ко второй половине - последней трети IV в. В Муслиумово найдены пряжки с декором позднего полихромного стиля, в котором преобладают красные и зеленые цвета (1, с. 24) и наконечники, подобные гуннским (22, с. 57, № 42) из Концешт и Сегеда. Золотые рукояти мечей из Муслиумово и Тугозвонова близки происходящим из Керчи, из могилы 145 1904 г., с оттиском монеты Валентиана II 375-392 гг. (46, рис. 11, 8).

Римские предметы из алано-сарматских могил IV в. заслуживают особого внимания. Мы уже отмечали, что в степных могилах обнаружены римские пряжки типа Келлер-А-В-С, предметы "догуннского" полихромного стиля, пояса с пластинками в виде "пропеллеров" из Кызыл-Кайнар-Тобе. Очевидна попытка подражать военной моде Поздней Империи. В связи с этим, также интересно проследить параллели для пластинчатого шлема из Кишпека, предположительно римского происхождения (47, с. 4, 5). Такие шлемы использовались в римской армии начиная со времени Траяна. Они изображены на арке Галерия в Фессалонике (298 г.) (48, с. 128, 129, рис. 11, 8). Однако мы не разделяем мнение С. Джеймса о их сарматском происхождении. Сарматские шлемы на колонне Траяна, привлеченные в качестве доказательства С. Джеймсом, отличаются своими круглыми горизонтальными полосами и отсутствием шишаков, как на шлеме из Кишпека и на шлемах на арке Галерия (48, рис. 20). Полное отсутствие таких пластинчатых шлемов в сарматских могилах III-IV вв. показательно. Данный тип экипировки не знали всадники понтийских степей. Шлемы с арки Галерия наиболее близки находке из Кишпека как по форме, так и в датировке. Следует подчеркнуть, что на протяжении второй половины III в. и в IV в. доспехи и пластинчатые шлемы не использовались в Сасанидском Иране, хотя известны на римско-иранском (в Пальмире и в Дура Европос) пограничье. На Ближнем Востоке существовала традиция их изготовления, по крайней мере, с ассирийского периода (4, с. 64). Такие доспехи имеются на иранских изображениях V в., в частности, в Так-и-Бостан и в Каср-и-Абу-Наср (49, с. 41, 42, 64, 65). Г. фон Галл считает, что речь не может идти ни о парфянском или иранском изобретении, ни о вкладе из Центральной Азии (49, с. 70, 71). Учитывая вышесказанное, мы с полным правом можем разделить точку

зрения В. А. Кузнецова и считать шлем из Кишпека частью экипировки римской кавалерии. находка в Кишпек не единственная на Северном Кавказе. Упомянем шлем из могилы вождя в Калкни в Дагестане, датированной гунским периодом по находившимся в ней пряжкам (50, рис. 4-6).

Римское влияние в военной сфере у степных кочевников проявлялось, без всякого сомнения, через римские крепости Питуунт и Себастополис на побережье Черного моря (47, с. 5, 6) с одной стороны, и через Боспорское царство, одной из опорных точек имперской власти IV в. на севере Черного моря (46, с. 508-512) с другой стороны. Боспор был также и важным пунктом на "шелковом пути". В Керчи известны китайские привозные вещи, а боспорские монеты найдены вплоть до Южной Сибири (46, с. 508, 509, прим. 93). Логично предположить, что по этой же дороге в степи распространялись пряжки, поясные наборы и оружие, характерное для позднеримских войск. Что касается роли римских крепостей в районе, который сегодня называется Абхазией, то наличие в могиле в Кишпек абхазского кувшина (рис. 4.14) очень показательно (47, с. 5).

Естественно, римское влияние не ограничивалось военной сферой. Действительно, римляне были заинтересованы в том, чтобы вовлечь кочевые степные народы в свою войну с Сасанидским Ираном, которая длилась до конца третьей четверти IV в. В самом деле, армянские и грузинские источники свидетельствуют о нападениях кочевников через Кавказские горы на Иран, в частности, в течение первой трети IV в. в союзе с армянским царем Тиридатом и в 30-е года IV в. в союзе с грузинским царем Аспаргуром Фарнавазианом (5, с. 130). Вероятно, нападения хионитов из Центральной Азии в пятидесятых годах IV в. на Иран, столь полезное для римлян, было также результатом сговора между Римом и кочевниками. И наконец, назовем тот факт, что в 70-х гг. IV в. претендентом на грузинский трон, поддерживавшимся римлянами, был человек по имени Савромат, что указывает на его алано-сарматское происхождение.

### СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. А м б р о з А. К. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII. М. 1989.
2. Б е т р о з о в Р. Ж. Курганы гунского времени у селения Кишпек // Археологическое исследование на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1974 гг. Нальчик, 1987. Т. 3.
3. А н ф и м о в Н. В. Позднесарматское погребение из Прикубанья // Археология и история Боспора. Т. 1. Симферополь, 1952.
4. Ф о к е е в М. М. Типы сарматских могильников в Буджакской степи // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986.
5. Ф о к е е в М. М. Позднейшие памятники сарматского времени в степи между Днестром и Дунаем // Древности Юго-Запада СССР. Кишинев, 1991.
6. Б е л и н с к и й И. В., Б о й к о А. Л. Реконструкция нагрудного конского украшения позднесарматского времени из могильника Аэродром-1 // Археология на новостройках Северного Кавказа. Грозный, 1991.
7. Б е з у г л о в С. И., К о п ы л о в В. П. Катакомбные погребения III-IV вв. на Нижнем Дону // СА. 1989. № 3.
8. Л у ц к е в и ч И. Н. Сарматські кургани у с. Нецерефов Ворошиловградської області // Археологія. 1952. 7.
9. W e r n e r I. Beitrage zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.

10. Романовская М. А. Аланское погребение из Ставрополя // КСИА. 1986. Вып. 186.
11. Дзиговский А. Н., Субботин Л. В. О верхней дате сарматских памятников понизовья Дуная // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986.
12. Гроссу В. И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1990.
13. Keller E. Die spatromische Grabfunde in Südbayern. München, 1971.
14. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. М., 1966. Вып. Д 1-30.
15. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Вып. 1.
16. N a r h o i u R. Das Kurzschwert von Micia (Dacia, 1988, i 32).
17. K i d d D. Funde aus der Sammlung General Berthie-Delgard, British Museum // Germanen, Hunner und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Niremberg, 1987.
18. Мерщнев М. С. Поселение Кызыл-Кайнар. Тобе I-V вв. и погребение на нем воина IV-V вв. // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
19. Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Ленинград, 1983.
20. Кожомбердиев И. К. Могильник Акчий-Карасу в долине Кетмень-Тюбе // Известия Академии Наук Киргизской ССР. 2/3. 1960.
21. Голдина Р. Д. Исследования средневековых памятников в Кунгурском районе Пермской области // АО 1978 года. Москва. 1979.
22. Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. Ленинград, 1975.
23. F e t t i c h N. La trouvaille d'une tombe hunnique princiere a Szegen-Nagyszeksos. Budapest, 1953.
24. Уманский А. П. Погребение эпохи великого переселения народов на Чаруше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
25. Шкорпил В. В. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатория // ИАК. 1910. Вып. 37.
26. Ашик А. Боспорское царство. Одесса, 1848.
27. R e i n a c h S. Antiquités du Bosphore Cimmérien. Paris. 1892.
28. R o s t o v t s e f f M. I. Une trouvaille de L'époque gréco-sarmate de Kertch au Louvre et au Musée de Saint-Germain // Monuments et Memoires Fondation Eugene Piot. 26. 1923.
29. В е с к F., К а з а н с к и M., V a l l e t F. La riche tombe de Kertch du Musée des Antiquites Nationales // Antiquités Nationales. 20. 1988.
30. Горюховский Е. Л. Сарматское погребение в Новых Сенжарах на Полтавщине (О позднесарматских древностях второй половины III в. н. э. в междуречье Дона и Дуная) // Областная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М. Я. Рудинского. Полтава, 1987.
31. P r ö t t e l Ph. M. Zur Chronologie der Zweibelknopffeln // Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums 33/1. 1988.
32. S o m m e r M. Die Gürtel und Gürtelbeschlage des 4. und 5. Jahrhunderts im römischen Reich. Bonn, 1984.



33. J e n s e n S. En nordjysk grav fra romersk jernalder // Sen romersk jernalders Kronologi i Nord-Vesteuropa. Kuml, 1979.
34. L u n d H a n s e n U. Römische Import im Norden. Copenhague, 1987.
35. G o d l o w s k i K. The chronology of the late Roman and early Migration periods in central Europe. Krakov, 1970.
36. S c h u l z e M. Die spatkeiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festem Nadelhalter. Bonn, 1977.
37. K e l l e r E. Zur Chronologie der jüngerkeiserzeitlichen Grabfunde aus Südwestdeutschland und Nordbayern // Studien zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie. Festschrift für Joachim Werner zum 65. Geburtstag. München, 1974. Vol. 1.
38. K a z a n s k i M., L e g o u x R. Contribution à L'étude des témoignages archeologiques des Goths en Europe orientale a L'epoque des Grandes Migrations: La chronologie de La culture de Cernjahov recente // Archéologie Médiévale. 18. 1988.
39. Ш а р о в О. В. Хронология могильников Ружичанка, Касаново, Данчаны и проблема датировки черняховской культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. Санкт-Петербург, 1992.
40. B ö h m e H. W. Bemerkungen zum spätrömischen Militärstil // Roth H. Zum Problem der Deutung frühmittelalterlicher Bildinhalte. Sigmaringen, 1986.
41. Б е з у г л о в С., З а х а р о в А. Могильник Журовка и финал поздне-римской эпохи в правобережном Подонье // Известия Ростовского областного музея краеведения. 1988. Вып. 5.
42. Б е з у г л о в С., З а х а р о в А. Богатое погребение поздне-римского времени близ Танаиса // Известия Ростовского областного музея краеведения. 1989. Вып. 6.
43. Klumbach H. Spätrömische Gardehelme. Munich, 1973.
44. Böhme H. W. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen Unterer Elbe und Loire. Munich, 1974.
45. Щ е р б а к о в а Т. А., Шукин М.Б. О двух стилях в ювелирном искусстве черняховской культуры // Древности Юго-Запада СССР. Кишинев, 1991.
46. K a z a n s k i M. Contribution a l'histoire de La defense de La frontiere pontique au Bas-Empire // Travaux et Memares, 11, 1991.
47. К у з н е ц о в В. А. Предисловие // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Нальчик, 1987. Т. 3.
48. J a m e s S. Evidence from Dura Europes for the Origins of Late Roman Helmets, Syria, 63. 1986.
49. V o n G a l l H. Das Reiterkampfbild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst partischer und sasanidischer Zeit. Berlin, 1990.
50. С а л х о в Б. М. Калкнийский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.
51. М о в с е с Каганкатваци. История агван. СПб, 1861.

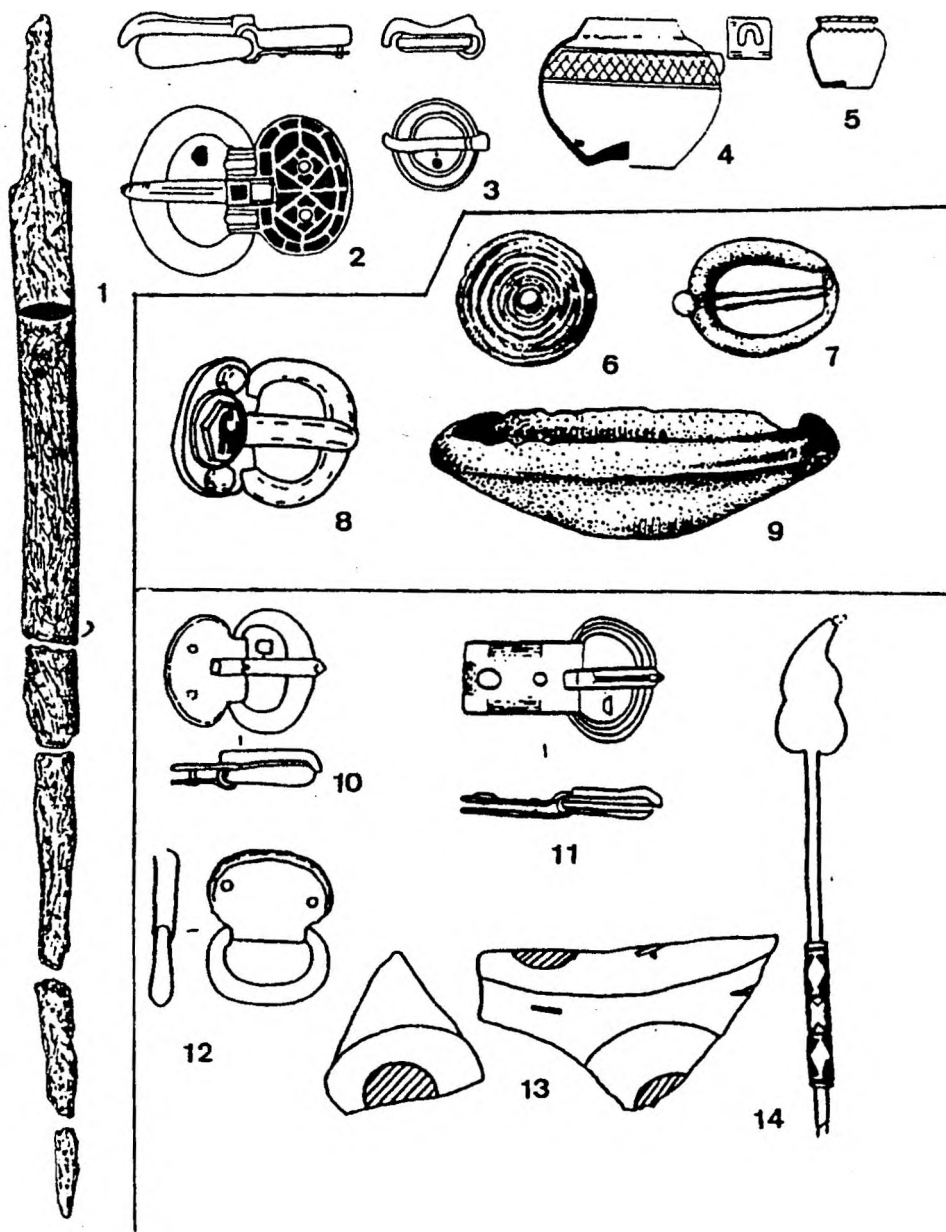


Рис. 1. Инвентарь алано-сарматских могил IV в. 1-5 - Центральный IV, могила 14 (по Безуглову, Карпову 1989); 6-9 - Нещеретово (по Вернеру 1956); 10-14 - Чауш (по Фокееву 1986, 1991). Без мусхаба.

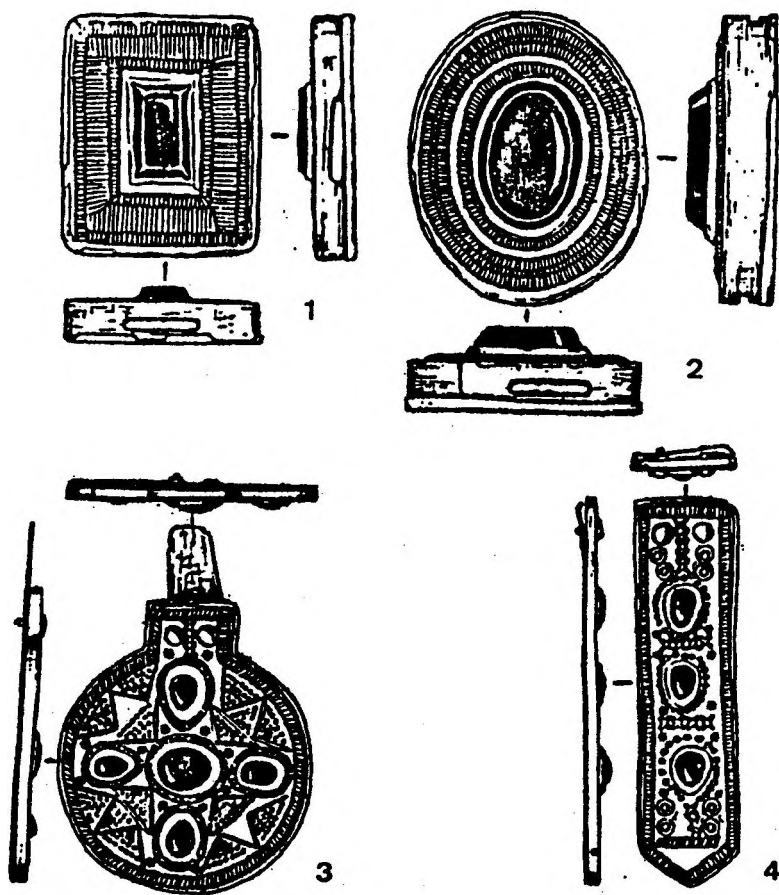


Рис. 2. Инвентарь могилы Азов-Аэродром 1 (по Белинскому, Бойко 1991). Без масштаба.

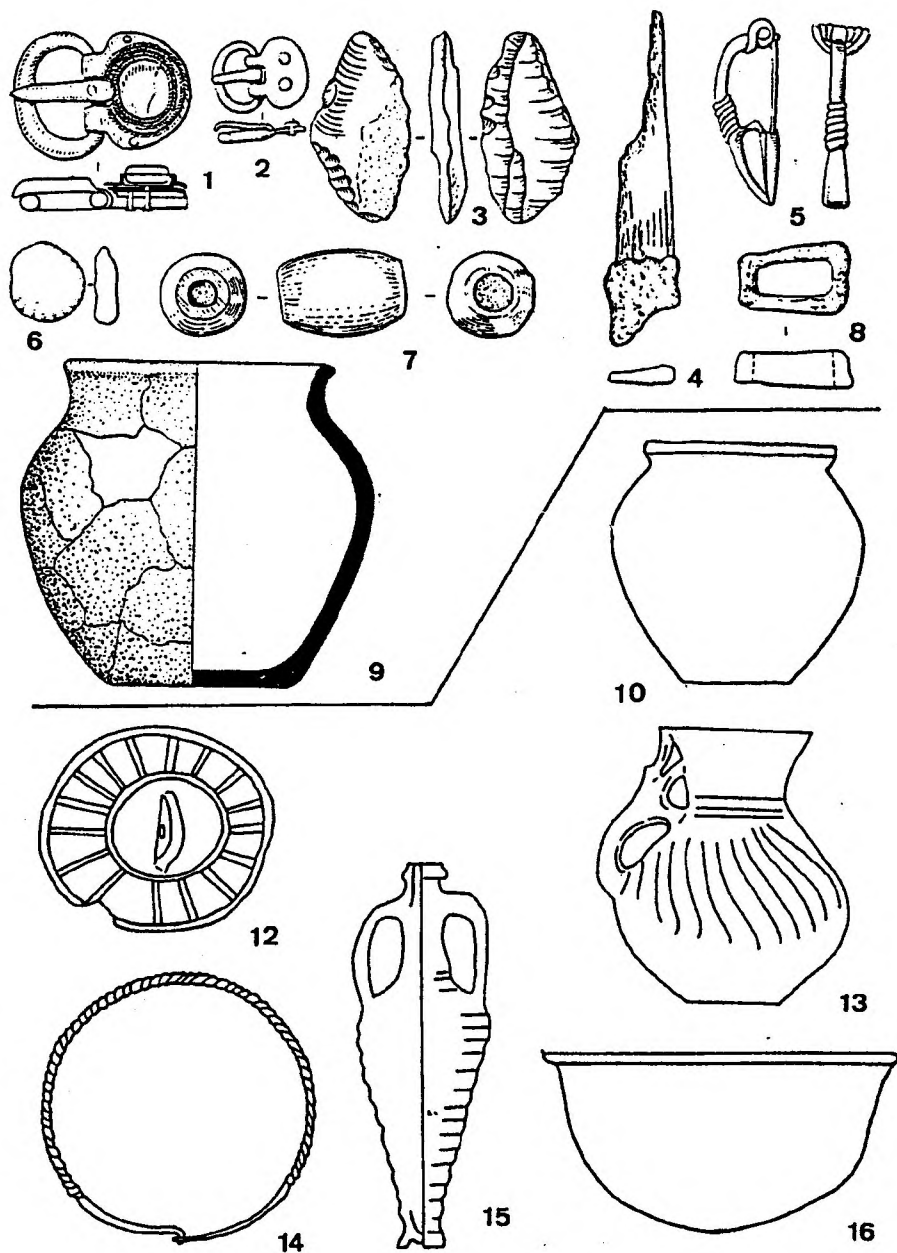


Рис. 3. Инвентарь алано-сарматских могил IV в. 1-9 - Веселая Роща II, могила 8 (по Романовской 1986); 10-16 - Воронежская (по Аяфимову 1962). Без масштаба.

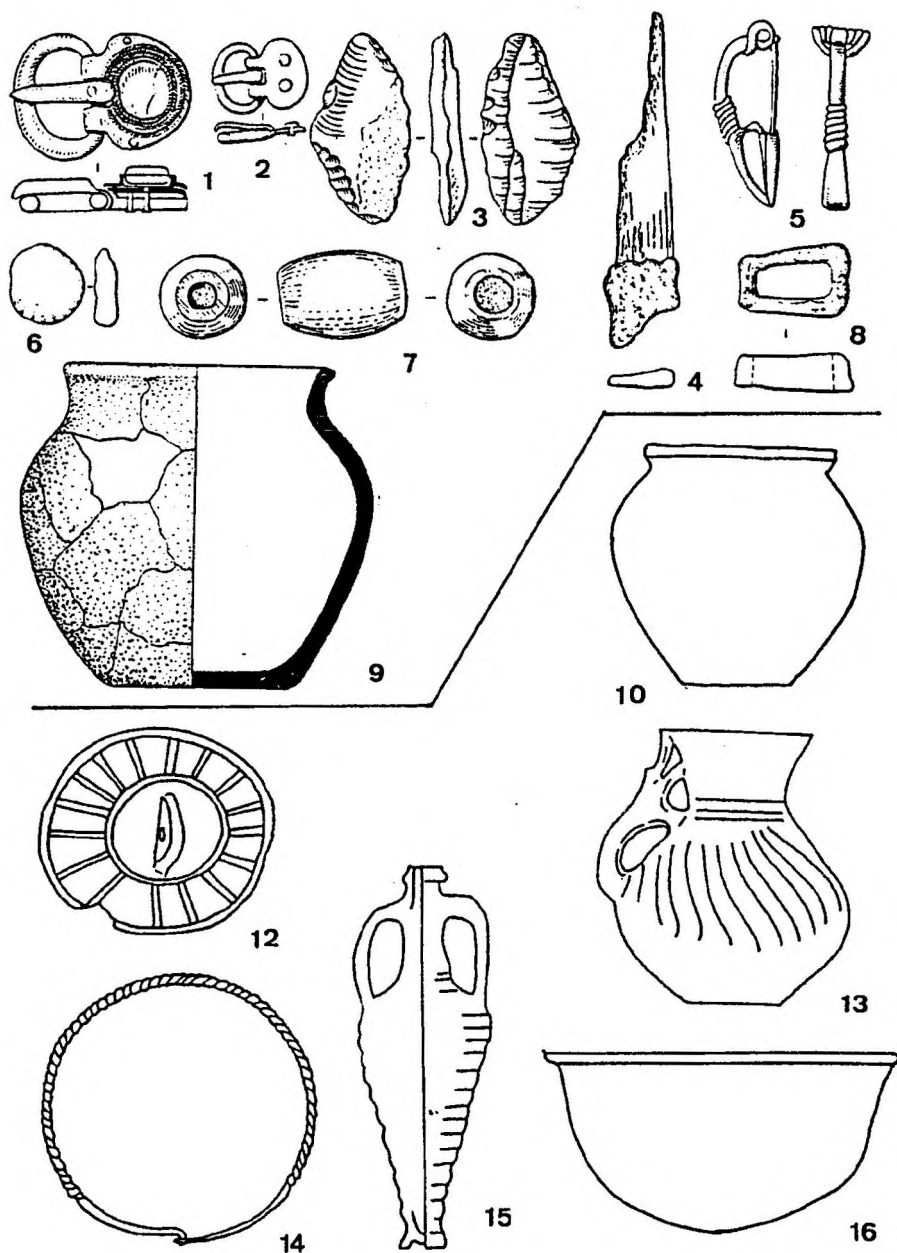


Рис. 3. Инвентарь алано-сарматских могил IV в. 1-9 - Веселая Роща II, могила 8 (по Романовской 1986); 10-16 - Воронежская (по Афинову 1962). Без масштаба.

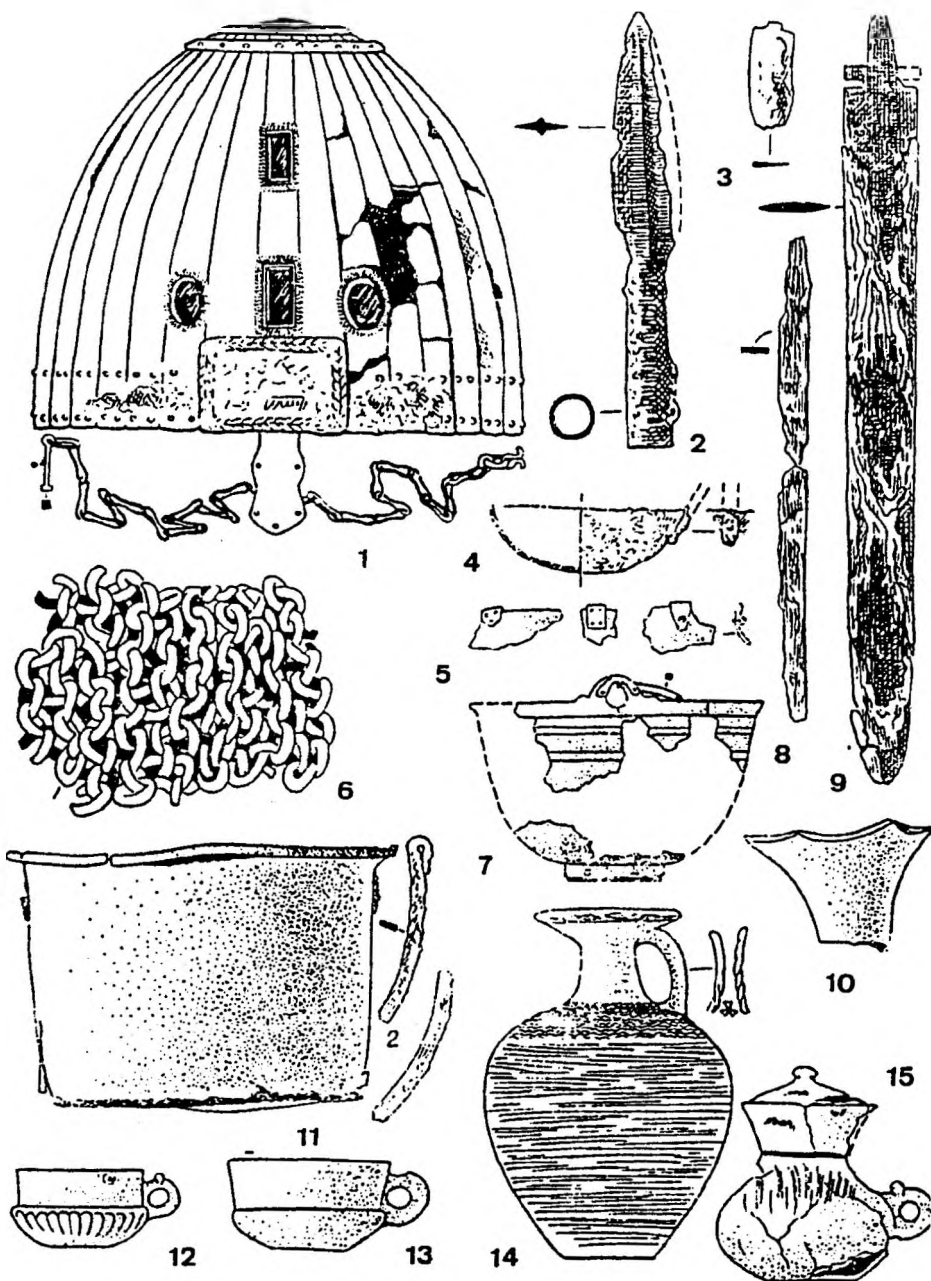


Рис. 4. Инвентарь могилы Кишпек (по Бетрозову 1987). Без масштаба.

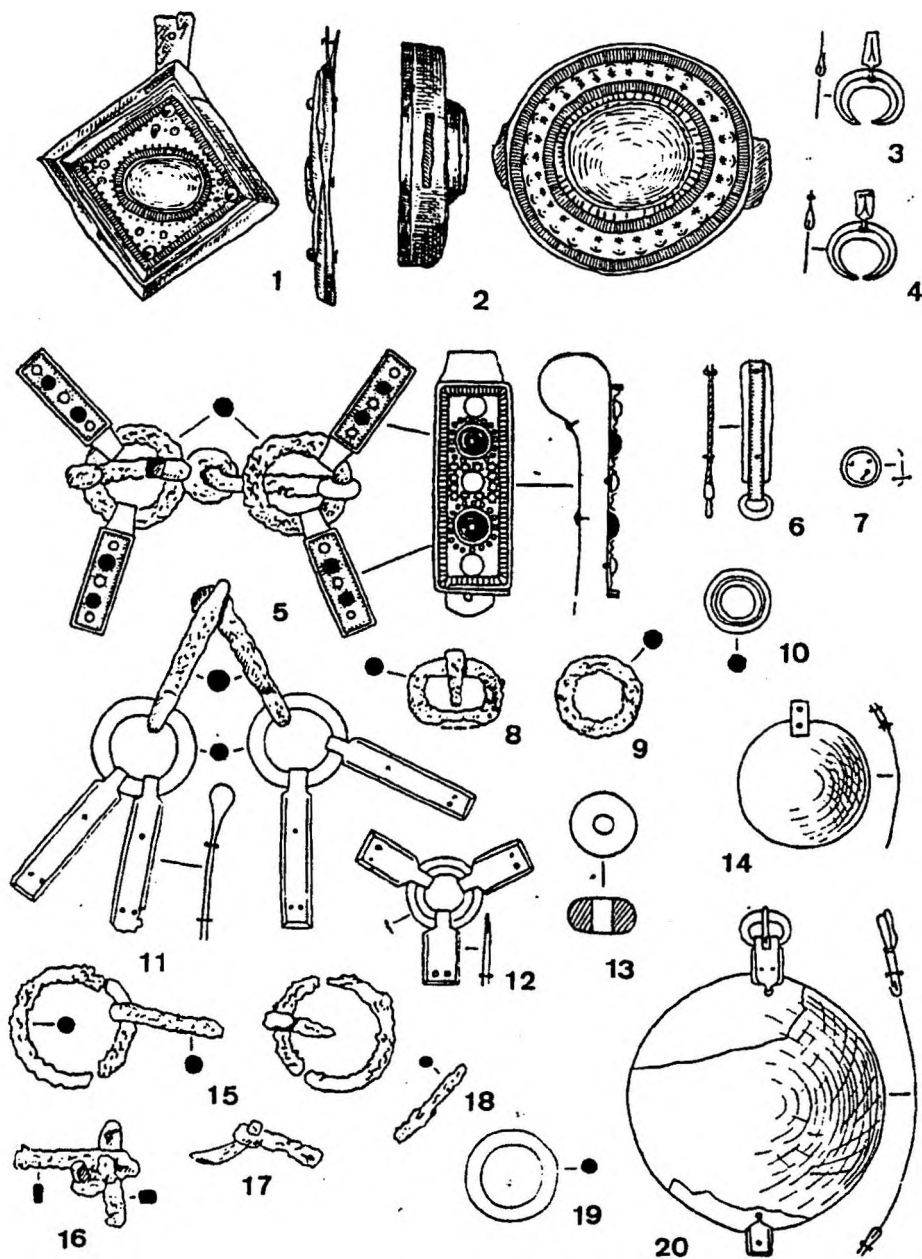


Рис. 6. Инвентарь могилы Кишпек (по Бегрову 1987). Без масштаба.

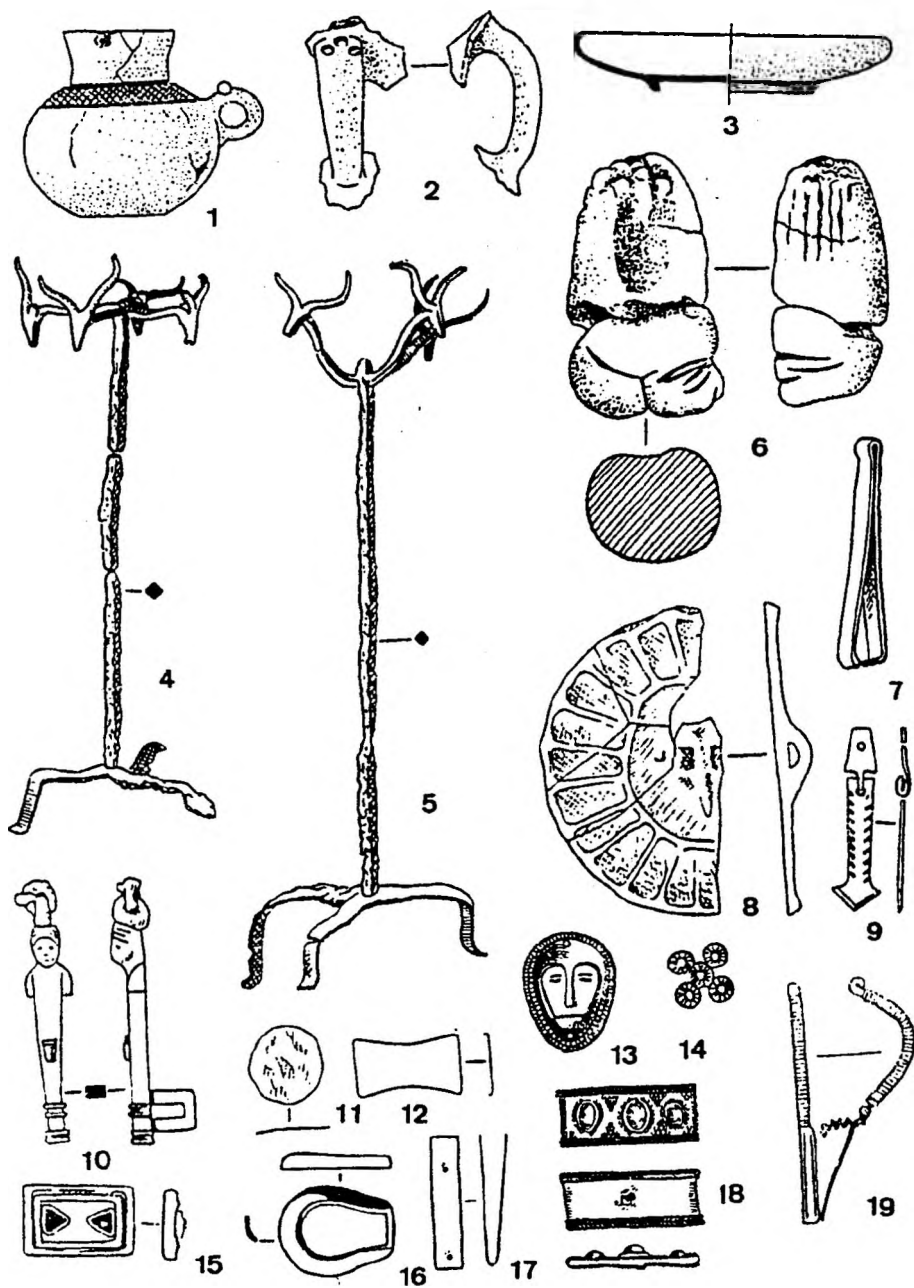


Рис. 7. Инвентарь могилы Кишпек (по Бегрозову 1987). Без масштаба.



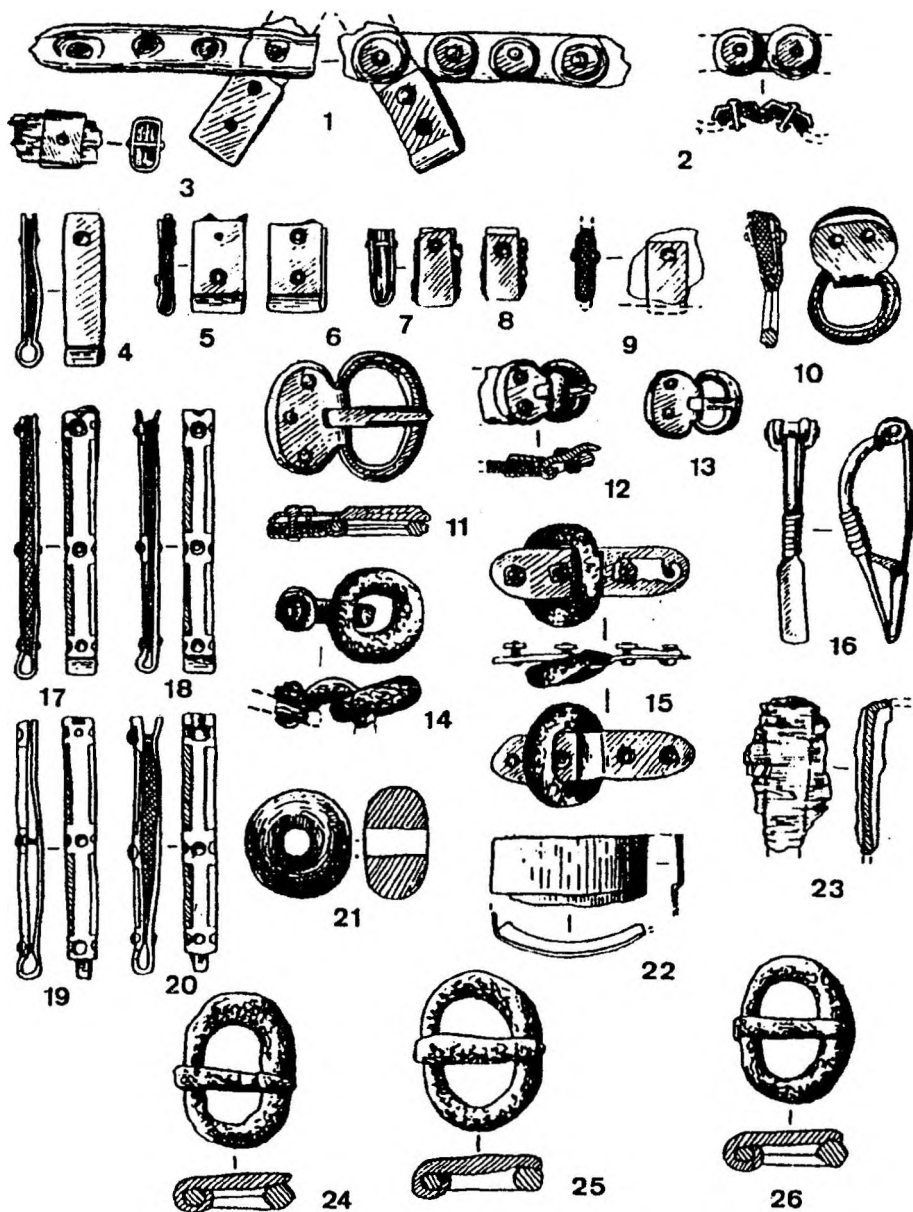


Рис. 8. Инвентарь могилы Градешты (по Дзиговскому, Субботину 1986). Без масштаба.

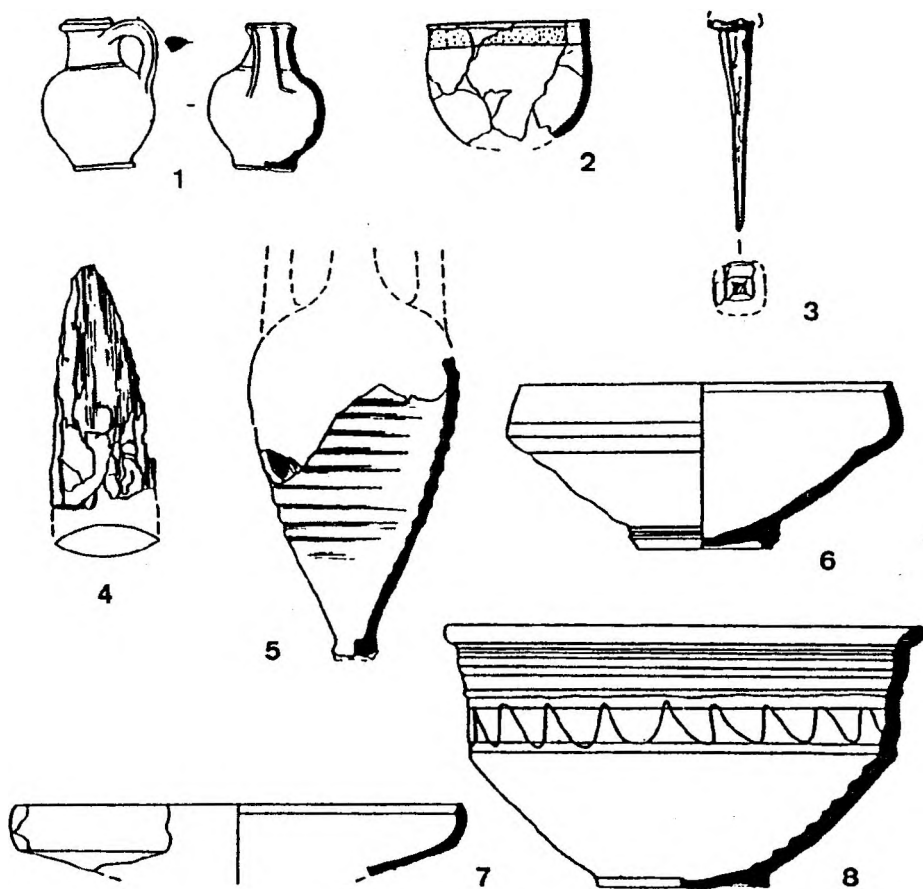


Рис. 9. Инвентарь могилы Градешты (по Дзиговскому, Субботину 1986). Без масштаба.

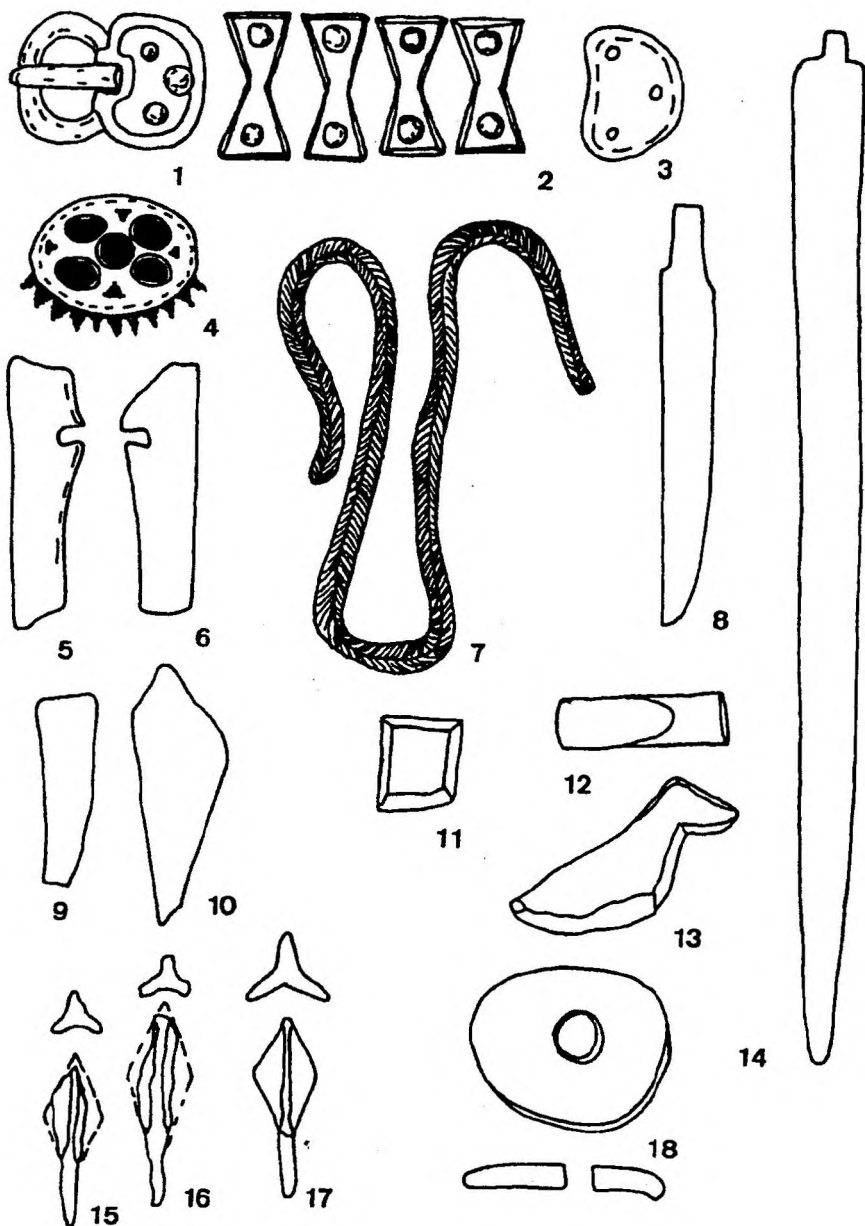


Рис. 10. Инвентарь могилы Кызыл-Кайнар-Тобе (по Мерсчиеву 1970).  
Без масштаба.